

ДЕПОРТАЦИЯ В СУДЬБЕ И ТВОРЧЕСТВЕ МИХАИЛА ХОНИНОВА

Р. М. Ханинова

Биография Михаила Ванькаевича Хонинова имеет страницы, позволяющие увидеть общее и индивидуальное в понимании известным поэтом трагических событий в истории советской страны и своего народа. Одна из таких тем — депортация калмыков в 1944–1957 гг. Офицер М. В. Хонинов в мае 1944 г. был снят с Белорусского фронта и сослан в Сибирь. В Красноярском и Алтайском краях он сменил свою профессию актера на множество иных профессий – военрук в школе, зав. складом Военстроя, горноспасатель, нормировщик, прораб и т.д.

У М. Хонинова было письмо, написанное 19 сентября 1944 г. в Элисте, куда он приехал, чтобы узнать о судьбе своей семьи. Но оно, адресованное не Сталину, а степи («Прощай, родная степь!»), представляет собой попытку участника Великой Отечественной войны разобраться в том, что произошло. Не снимая вины с тех предателей Родины, которые способствовали народной трагедии, он подчеркивает свою готовность сражаться против оккупантов и выражает уверенность в победе: «А вот скоро я пойду на врага — добить его, отомстить за тебя, моя родная»¹. Поэтому подписывается полностью, указывая, где и когда воевал — на Смоленщине, в Белоруссии. Сознвая опасность такого документа, тем не менее, просил сохранить его, наивно обещая даже вознаграждение. Это письмо из семейного архива, прошедшее с автором всю ссылку, сохранилось как бесценный документ гражданского мужества, верности доблести предков, воспетых в народном эпосе. Теме связи военной поэзии М. Хонинова с эпической традицией калмыков посвящены исследования Э.М. Ханиновой. Так, в статье «Аксиологическая традиция эпоса “Джангар” в военной поэзии Михаила Хонинова» она указывает, что своеобразие этой традиции у поэта проявляется в том, что он распространяет ее не только на калмыков-воинов, но и на всех защитников родины («Старший брат», «Мой райком»)².

Эпистолярный компонент стихотворения М. Хонинова «Два письма» (1964) актуализировал тему депортации, присутствовавшую в тексте латентно (похоронное извещение, письмо сосланной жены), «через метафору (отчий дом “спалил безжалостный огонь”, “на краю земли”, “ветер выл в том северном краю”, “наш конь упал...”, “впереди чернела Элиста”), эпитет (“роковой сорок четвертый год”, “степей привольных старожил — ветер”). И даже начало стихотворения о собственной похоронке, пришедшей семье, автор по-особому кодирует (“Был убит немецкой пулей я”), подразумевая и обвинения сталинского режима всему народу в измене Отечеству»³. Тот же код в хониновском стихотворении «Будем вместе навсегда» (пер. Н. Кондаковой) скрыт уже в растительном образе: полынь на смоленском поле боя и в калмыцкой степи также автобиографически сближена темой Великой Отечественной войны и сталинской депортации, возвращением в родной край. Красная от солдатской крови трава на передовой плачет зелеными слезами. В обращении лирического героя к полыни имманентно звучит вера в победу над врагом: «Я хотел сказать траве: “Не надо, / Ты не плачь, — людскую смоят кровь / Мирные дожди и снегопады, / Что придут на нашу землю вновь...”»⁴. Призыв командира к атаке не дал тогда сказать слова утешения траве. Эта возможность появилась позже, когда возвращение на родную землю состоялось, но не сразу после войны, как это может быть понято по тексту стихотворения. И вновь лирическому герою, защитнику родины, показалась степь красною, но уже от горя. Любовь к родной земле проявлена им и в движении, и в чувстве, и в слове: «И упал я ниц, раскинув руки, / Не стыдясь, не сдерживая слез, / Обратился к ней в тоске и муке, — / «И тебе досталось...» — произнес...»⁵. Открывшаяся картина («смешавшись с кровью, / Как тогда, в бою, течет слеза») передает через образ окровавленной, плачущей полыни образ страданий и мук народа. Но теперь уже «Стебелек зеленый дышит новью, / Новью дышит мирная гроза»⁶. «Новь» — это правительственный указ о реабилитации калмыцкого народа и возвращении его на родину после ссылки,

которая была вначале вечной по срокам. Мирная гроза – это очистительная вода новой жизни, которая возродила степь. «И, ладони грубые не пряча, / Я погладил грубые цветы / И сказал: «Все кончилось, не плачьте, / Мы дождемся вместе красоты. / Вы дождетесь дорогой награды, / Зацветете снова по весне»⁷. Мотив единения калмыка с родиной предков показан приемом олицетворения растительности: «Я сказал: “Печалиться не надо...” – / и они прильнули вдруг ко мне»⁸.

Стихотворение М. Хонинова «Огонь трещит под таганом...» (пер. Н. Поливина) являет в историко-функциональном плане два ракурса темы родины. С одной стороны, это гимн любимой степи: ««Родимый край! / Я – здесь! / Я – здесь!!! / Я рву траву, / Я мну траву, / Я к звездам ласковым плыву...»⁹. Звездная символика здесь манифестирует космическую парадигму в аспекте универсальной фольклорной традиции, где звезды на небе – это и человеческие судьбы, а упавшая звезда означает чей-то уход из жизни. Своеобразие же в том, что звезда в калмыцкой загадке сравнима с пуговицей: «У широкого белого бешмета множество пуговиц» (Звезды). Сравним с другим стихотворением поэта в нашем переводе: «У каждого звезда своя на небе», – / Так старики, / я слышал, говорили. / Тогда из пуговиц какую на бешмете / Том белом / мне родители вручили?»¹⁰. Таким образом, в поэтике М. Хонинова звезда – это еще и ушедшие в лучший мир собственные родители, это и души предков, наблюдающие за потомками с небес. В стихотворении «Огонь трещит под таганом...» потому и небосвод служит родовым бешметом («Я им укрыт от непогод, / От всех случайных бед»), холм – подушкой, поскольку холм – это и место погребения предков, и место жертвоприношений, периной стал ковыль. Огонь под таганом также ментальная деталь бытия кочевника, объединяющая семью, род, народ, человечество у очага и солнца. Этот символ постоянен в творчестве М. Хонинова. Лирическому герою «приходят мудрые слова» *«про гнев войны и боль войны...»*¹¹, в которых память не только о Великой Отечественной, но и о тринадцати годах депортации. Ибо следующие строки являют аллюзии по этому поводу: *«Оборвалась мучений цепь, / Когда я вновь увидел степь... / Родимый край! / Родимый дом!...»*¹².

Этот зов родного края отзывался тогда в сердце каждого калмыка, где бы он ни находился — на войне ли, в ссылке ли, в лагерях ли.

А. И. Солженицын в «Архипелаге ГУЛАГ» заметил, что калмыки не стояли, вымирали тоскливо, впрочем, сам политзаключенный, по его признанию, их не наблюдал. Еще в феврале 1994 г. в стихотворении «Обычай предков — сдержанность всех чувств...» мы вступили в полемику с этим спорным мнением писателя, опираясь на понимание этнического мировоззрения калмыков¹³. В рецензии на сборник «День влюбленных» В. Э. Очир-Гаряев подчеркнул, что после таких поэтических строк уже по-иному воспринимаются слова А. Солженицына, в них уже нет той безысходности и холодного отчаяния¹⁴. Поколение, родившееся в сибирской ссылке, в самом начале ее или в самом конце, смогло сохранить и развить в себе ментальные ценности вслед за старшим поколением.

Поэма же Михаила Хонинова «Мой путь» (1970) принадлежит к возвращенной литературе. На калмыцком языке она была опубликована в 1994 г., на русском — в 2006 г., переведена нами в декабре 2005 г. Причина запоздалой встречи с читателем этой поэмы, а также поэмы «Мои руки» (1970, на калмыцком опубликована в 1989 г.) в их тематике — Великая Отечественная война и связанная с ней депортация калмыцкого народа в 1943–1956 гг. Обобщающее заглавие произведения «Мой путь» — это, с одной стороны, подведение итогов жизненного пути в автобиографическом плане, легко узнаваемые вехи его судьбы: учеба в Астрахани, работа на сцене Калмыцкого драмтеатра, служба в Забайкалье, Смоленское сражение, белорусское партизанское движение, депортация в Сибирь, возвращение на родину. С другой стороны – это воспоминания не одного человека, а целого поколения, когда поэт говорит о ВРЕМЕНИ и о СУДЬБЕ. Этому способствует сложная сюжетно-композиционная структура поэмы «Мой путь», дискретность повествования, лирические отступления, которые передают «поток сознания» человека, ведущего разговор с Вселенной, с планетой Земля, с человечеством, с Родиной, с мате-